

Белоглазова Е. В.

К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАХ В ЛИНГВИСТИКЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/5.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 19-22. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

справляться с непредвиденными культурно-обусловленными ситуациями в процессе межкультурной коммуникации.

Специфика таких международных проектов заключается в том, что они в большинстве своем межпредметны в том, смысле, что, какую бы проблему мы ни взяли, все обсуждение будет проводиться на английском языке. Именно поэтому мы говорим, о создании языковой среды и условия для формирования потребности в использовании ИЯ как средства реального общения в процессе межкультурного взаимодействия. Надо сказать, что диалог культур здесь происходит самым непосредственным образом с первых же обменов представительскими письмами. Студенты каждый раз знакомятся не только с информацией, значимой для решения их общей проблемы, но и с особенностями культуры своих партнеров. Рассказывают ли партнеры о своем университете, праздниках, традициях, обсуждают ли они роль женщины в демократическом обществе или процедуру выборов в парламенты своих стран, они обязательно затрагивают проблемы особенностей своей культуры, своей страны [Полат 2000: 3].

Чтобы приступить к поиску партнеров, легче всего начать с подключения к существующим в сетях телекоммуникационным учебным проектам. Их нетрудно найти с помощью любой поисковой системы. Российско-американский проект «Гармония» поможет отыскать партнеров в России ([http:// www. projectharmony.org](http://www.projectharmony.org):e-mail: phomos@projectharmony.org).

Как показывает практика, международные телекоммуникационные проекты способствуют развитию у студентов навыков межкультурного общения, так как обеспечивают реальное взаимодействие субъектов в глобальном пространстве, включающем в себя конгломерат культур. Участие студентов в телекоммуникационных проектах не только способствует приобретению знаний и формированию их речевых умений, но и воздействует на способности обучающихся справляться с непредвиденными культурно-обусловленными ситуациями в процессе межкультурной коммуникации.

Список использованной литературы

1. **Новые педагогические и информационные технологии в системе образования** / Под. ред. Е. С. Полат. - М., 2000. - 197 с.
2. **Полат Е. С.** Метод проектов на уроке иностранного языка // Иностр. яз. в школе. - 2000. - № 3. - С. 3-9.
3. **Резцова С. А.** Телекоммуникационные проекты в обучении иностранному языку // Современные теории и методы обучения иностранным языкам. - М.: Издат-во «Экзамен», 2006. - 243 с.

К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАХ В ЛИНГВИСТИКЕ

Белоглазова Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

С утверждения «смены лингвистической парадигмы» начинается нынче чуть ли не каждая вторая работа, посвященная вопросам языкознания, и констатация эта ставит перед нами ряд вопросов, как то:

- что такое парадигма?
- можно ли говорить о парадигмах в лингвистике?
- какие парадигмы выделяют в лингвистике?
- что собой представляет современная лингвистическая парадигма, которую все мы должны принять или оказаться на периферии или вовсе за границами «нормальной науки»?

Эти вопросы мы и ставим перед собой в настоящей статье.

Парадигма: к определению понятия

Хотя слово *парадигма* восходит к греческому языку, из которого через латынь оно распространилось в современные европейские языки, и находилось в употреблении все это время [Демьянков 2006], как философский термин он обязан своим возникновением Т. Куну, понимавшему под парадигмами «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» [Кун 1977: 11]. Т. Кун дал этому слову новую жизнь в философии и истории науки и, хотя споры о понимании данного термина, в том числе и самим Куну (в его монографии [Кун 1977] можно найти несколько трактовок), не утихают вот уже более полувека, важность самой концепции, преодолевающей доминировавшее до него представление о поступательно-кумулятивном развитии науки, не подлежит сомнению.

Т. Кун отрицал возможность исключительно эволюционно-накопительного развития науки - анализ истории развития науки убедил его в ключевой роли в этом процессе научных революций - резких и необратимых изменений в системе научных взглядов под влиянием некоторого неординарного научного открытия. Научная революция приводит к смене научной парадигмы, и «последовательный переход от одной парадигмы к другой через революцию является обычной моделью развития зрелой науки» [Кун 1977: 31]. Термин *парадигма* неразрывно связан у Т. Куна с термином *нормальная наука*. Новая парадигма, раз установившись, не допускает возврата к предшествующей и безраздельно царит во всем научном сообществе, пока она не пересматривается в результате новых открытий и не уступает место следующей парадигме. Изначально, согласно Т. Куну, парадигмы непроницаемы, несоизмеримы, несопоставимы и отделены друг от

друга четкой границей (хотя в более поздних добавлениях исследователь и допустил возможность сосуществования парадигм, это допущение плохо согласуется с его тезисом о роли научных революций).

Концепция Т. Куна получила большой резонанс среди научной общественности, что имело ряд последствий. Во-первых, термин *парадигма* оказался мгновенно востребованным и перенесенным в сферы различных наук. Во-вторых, в силу того, что такое перенесение в ряде случаев оказалось затруднительным, началась работа по уточнению понятия парадигмы в соответствии со спецификой конкретной науки.

Понятие парадигма в лингвистике

Лингвистика не стала исключением, и новый термин был незамедлительно взят на вооружение и пущен в оборот. Некоторые ученые удовлетворились исконно куновской трактовкой. Так, Э. А. Макаев в своем понимании парадигмы придерживается определения Т. Куна и, ссылаясь на Н. И. Рудного, добавляет: «все попытки создания альтернативной теории в том момент, когда существующая теория адекватно поддерживает традицию разрешения затруднений, в науке - бесплотны, обречены на неуспех. В науке господствует ситуация «бритвы Оккама»» [Макаев 2004: 23]. Всего Э. А. Макаев выделяет в сравнительном языкознании четыре парадигмы:

- 1) начальный этап формирования науки, связанный с именем Ф. Боппа;
- 2) концепция А. Шлейхера;
- 3) младограмматическая концепция;
- 4) сравнительное языкознание на современном этапе.

Однако большинство лингвистов [Демьянков 2006; Кубрякова 2006; Ору 2000; Серю 2001; Сусов 1999 и др.] пришли к выводу, что термин *парадигма* в понимании Т. Куна малоприменим к науке о языке. Дело в том, что теория Т. Куна была изначально разработана для естественных наук, прежде всего, физики, где та или иная гипотеза может быть однозначно доказана или опровергнута опытным путем, и она плохо ложится на материал гуманитарных наук, в частности лингвистику, где научный эксперимент носит специфический характер и фаза получения результата совпадает с фазой его апробирования. П. Серю, отталкиваясь от высказывания Т. Куна «наука уничтожает свое прошлое», совершенно справедливо замечает, что это применимо к Эйнштейну, упразднившему Ньютона и Галилея, но неприменимо к Пикассо, не упразднившему Рембрандта [Серю 2001: 46]. За неприменимость теории к гуманитарным наукам, включая и лингвистику, критиковал Куна К. Персивал, указывая на отсутствие в истории развития лингвистики абсолютных разрывов. Ту же мысль находим у В. З. Демьянкова [Демьянков 2006], Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2006], И. П. Сусова [Сусов 1999], С. Ору [Ору 2000] и др.

Действительно, новое знание не отрицает, не упраздняет старое, но в той или иной мере основывается на нем; и новая парадигма, т.о., оказывается так или иначе развитием старой, при чем между ними сохраняются отношения преемственности. Несколько иначе представляет общую историографическую схему языкознания В. З. Демьянков: «историю теоретического языкознания можно рассматривать как историю парадигм» [Демьянков 2006: 37]. Этот тезис он подкрепляет тем фактом, что историю науки о языке часто называют «историей лингвистических учений», а русское *учение* представляется исследователю очень близким куновской *парадигме*.

Итак, осознание отсутствия в лингвистике научных революций вовсе не заставило лингвистов отказаться от идеи парадигматизма, которая может «лечь в основу лингвистической историографии и упорядочить систематизацию взглядов на язык и плодотворность тех или иных подходов к его описанию» [Кубрякова 2006: 5]. Остается решить проблему, также обозначенную Е. С. Кубряковой: «при каком определении парадигмы знания она может принести действительную пользу и охарактеризовать главные черты и главные особенности истории лингвистической мысли за последнее столетие» [Кубрякова 2006: 5]. Лингвисты в этом вопросе встали под знамена И. Лакатоса, полемизировавшего с Т. Куном и выделившего рациональное зерно теории последнего следующим образом: «в исследовательской программе Куна была новая идея: изучать следует не мышление отдельного ученого, а мышление научного сообщества» [Лакатос 2001: 341]. Это определение оказалось привлекательным тем, что не ограничивало количество сосуществующих парадигм, в то время как позиция Куна касательно полипарадигматизма в науке была совсем нелестной: подобное состояние науки он описывал как «допарадигматическое», характеризующее науки незрелые, не достигшие состояния, охарактеризованного им как «нормальная наука». С этим, конечно, ни Е. С. Кубряковой, ни В. З. Демьянкову, ни Ю. С. Степанову, ни И. П. Сусову, ни другим лингвистам, постулирующим сосуществование в лингвистике сразу нескольких парадигм, ни нам согласиться невозможно.

Итак, термин Куна остается, но значение, вкладываемое в него в рамках лингвистики, меняется в сторону расширения и размывания границ. Под парадигмой здесь понимается «господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, при том именно таким образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка - для решения некоторых философских проблем [Степанов 1985: 4]. Еще менее строго трактует парадигму Е. С. Кубрякова, усматривая ее за каждым выявлением, а то и просто уточнением «свойств, аспектов, особенностей языка, ускользавших до определенной поры от внимания исследователей и/или до конца ими не понятых, не описанных или не объясненных» [Кубрякова 2006: 5]. Но столь расплывчатое понимание приводит к значительным расхождениям в периодизации и номенклатуре лингвистических парадигм. Во-первых, нет единства мнений относительно охваченного парадигмами периода. Так, С. Ору [Ору 2000] усматривает первую парадигмоустанавливающую революцию в

рождении письменности, т.е. согласно этому ученому, лингвистика существует как нормальная наука уже несколько тысячелетий. О многотысячелетней истории науки о языке пишет и Е. С. Кубрякова, однако отсчет парадигм, а вместе с ними и «нормальной», зрелой лингвистики, она начинает со структурализма. Во-вторых, столь же сильно различается набор выделяемых разными авторами парадигм. Например, все парадигмы, о которых пишет Кубрякова, входят в рамки одной «современной научной парадигмы» в государственном образовательном стандарте направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация», которой предшествуют логическая, сравнительно-историческая, натуралистическая и идиоэтническая парадигмы. И. П. Сусов, отмечая неадекватность куновского понятия *парадигма* применительно к истории языкознания, предпочитает говорить о «направлениях» исследований, мирно сосуществующих в современной лингвистике, - историко-генетическом, системно-структурном, генеративном, и деятельностно-функциональном [Сусов 1999].

В целом, ни одну концепцию парадигматической прогрессии в лингвистике нельзя назвать общепризнанной. Термин *парадигма* в лингвистике отличается очень широкой сочетаемостью и встречается в достаточно непредсказуемых с точки зрения его значения сочетаниях, как то «Моррисовская парадигма» (В. П. Даниленко), «Гумбольдтианская лингвистическая парадигма» (Л. В. Правикова) «текстуальная парадигма» (Е. Г. Ромахина), «парадигма синтаксической семантики» (Д. В. Маляров).

Современная парадигма знаний в лингвистике

Единства мнений у научного сообщества нет не только в вопросе номенклатуры лингвистических парадигм, но и касательно современной парадигмы - ее называют и коммуникативно-прагматической (И. П. Сусов), и номинативно-прагматической (А. М. Ломов), и функционально-когнитивной (О. Д. Вишнякова), антропоцентрической (Н. И. Формановская), и функциональной (Л. И. Баранникова), и когнитивной (Е. С. Кубрякова). Нам трудно согласиться с мнением о том, что указанные названия соответствуют отдельным парадигмам, сосуществующим в современной лингвистике [Колокольцева 2001], учитывая отсутствие четких границ между ними и царящие среди них мир и согласие по ключевым вопросам о приоритетах современной науки о языке и путях их решения. Скорее мы склонны к выделению этих направлений или исследовательских парадигм в рамках единой современной парадигмы, которую мы вслед за Е. С. Кубряковой назовем когнитивно-дискурсивной. Это наименование было введено исследователем как уточнение введенного ею же наименования «когнитивная парадигма». Уточнение представляется весьма существенным, поскольку вводит в название центральный для этой парадигмы термин - *дискурс*, представляющий собой новый предмет науки о языке, в то время как элемент *когнитивный* указывает на методологию исследования этого объекта. Это название включает в себя и элемент антропоцентричности, поскольку ни дискурсивная, ни когнитивная деятельность немыслима в отрыве от человека; и элемент функционализма, поскольку язык рассматривается в широком деятельностном аспекте. Все это наводит на мысль о том, что речь идет о конкурирующих названиях одного и того же научного феномена.

Как говорилось выше, парадигмы в лингвистике не характеризуются абсолютным разрывом с предшествовавшей научной традицией. Тем не менее, логично ожидать достаточно четкой демаркационной линии, основанной на некотором отрыве нового знания от старого, без чего трудно обосновать выделение новой парадигмы. И именно понятие *дискурса* позволяет увидеть эту границу. Как пишет О. Г. Ревзина, «заслуга М. Фуко состояла в том, что он сумел перешагнуть через «данные в ощущении» всегда конечные формы вербальной деятельности - будь то устный разговор, текст, произведение одного или многих авторов, относящиеся к тому же к разным историческим эпохам, - позволил представить их вместе и посмотреть на те общности, которые в этом динамическом, постоянно изменяющемся пространстве реально выделяются» [Ревзина 2005]. Т.о., можно сказать, что теория дискурса знаменует новую ступень в развитии лингвистики, давая ей новый предмет исследования, но позволяя при этом использовать ранее полученные результаты. Дискурс мыслится как двухуровневая структура, поверхностный уровень которой образует совокупность текстов. Именно тексты и подлежат анализу при анализе дискурса, однако с выходом на другой, глубинный уровень дискурса, который невозможно вскрыть без привлечения широкого социо-культурного контекста.

Список использованной литературы

1. Демьянков В. З. Термин *парадигма* в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. - М.: ИНИОН РАН, 2006. - С. 15-40.
2. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. - Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. - 260 с.
3. Кубрякова Е. С. Когнитивно-дискурсивная парадигма в современном языкознании // Пелевинские чтения-2003. - Калининград, 2004. - С. 3-17.
4. Кубрякова Е. С. Понятие парадигма в лингвистике: введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. - М.: ИНИОН РАН, 2006. - С. 1-14.
5. Кун Т. Структура научных революций. - М.: Прогресс, 1977.
6. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура научных революций. - М.: ОСТ, 2001.
7. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 224 с.
8. Ору С. История. Эпистемология. Язык. - М.: Прогресс, 2000. - 408 с.
9. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. - Новосибирск, 2005. - Вып. 8. - С. 66-78.

10. Серно П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 360 с.

11. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. - М.: Наука, 1985. - 335 с.

12. Сусов И. П. История языкознания: Учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. - Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП
ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В ПОЭЗИИ XIX И XX ВЕКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМ В. А. ЖУКОВСКОГО, А. С. ПУШКИНА,
А. Т. ТВАРДОВСКОГО И Е. А. ЕВТУШЕНКО)

Болотина Т. П.

Волгоградский государственный педагогический университет

Глагол как часть речи представляет собой непростое явление. По словам академика В. В. Виноградова, «глагол - самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка» [Виноградов 1972: 337]. Семантика глагола также неоднородна и разнообразна. Н. М. Шанский говорит о том, что «глагол обозначает процесс» [Шанский 1981: 156]. При этом под процессом понимаются следующие явления: 1) конкретные действия; 2) состояния; 3) проявление изменения признака; 4) изменение положения в пространстве; 5) восприятие; 6) отношение и т. д. Видно, что значение состояния является одним из ведущих у глагола.

Поскольку состояние неразрывно связано с изучением языковой личности, оно рассматривается как неотъемлемое свойство человека, его нормальная характеристика, а жизненный цикл человека трактуется как смена различных состояний, т. е. восприятие и осознание окружающей среды, реакции на нее и дают картину состояний, переживаемых человеком, а как языковое отражение - функционально-семантическую систему равноуровневых средств выражения, среди которых находятся исследуемые нами глаголы.

Глаголы состояния человека образуют отдельную лексико-семантическую группу, под которой мы понимаем «класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [Лексико-семантические группы русских глаголов 1989: 7]. Общность в лексическом значении является главным объединяющим признаком этих слов.

Характерная особенность каждой лексико-семантической группы заключается в том, что стоит возникнуть изменению в одном ее слове, как это неминуемо отражается на судьбе всей группы, в которую оно входит. Каждая подобная группа может, по мнению Г. Ф. Одинцова, быть установлена по следующим характерным признакам [Одинцов 1970: 5-6]: 1) по противопоставлению или по сближению слов внутри одного контекста; 2) по сфере и характеру употребления; 3) по лексическому значению слов.

Только при совокупности всех этих признаков представляется возможным определить состав той или иной лексико-семантической группы.

Глаголы состояния пересекаются со многими лексико-семантическими группами и границы между ними бывают размытыми, так что трудно определить, к какой группе относится тот или иной глагол. Особо это касается глаголов, обозначающих чувства человека, его эмоции. По мнению В. И. Шаховского, «эмотивный компонент варьируется в двух языковых статусах: значение и сознание. Функцией эмотивного значения является самостоятельное выражение типизированного эмоционального состояния или отношения говорящего к миру» [Шаховский 1994: 21]. Мы включаем в глаголы состояния лишь глаголы с первым эмотивным значением, а именно - передающие собственно эмоциональное состояние (грустить, радоваться, стыдиться), а не глаголы, называющие эмоциональное отношение субъекта к кому-, чему-либо; чувство, которое испытывает субъект к кому-, чему-либо. Такого же мнения придерживаются Н. С. Авилова, Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильев и др.

Многие глаголы состояния многозначны, причем значение состояния является у них вторичным по отношению к основному значению, как, например, глагол тянуть значение «вызывать ощущение тяжести, давления или боли» по отношению к его основному значению «натягивать, тащить или расправлять»; либо значение состояния может быть переносным.

Вторичные значения, непосредственно связаны с явлениями регулярной многозначности, которому свойственно наличие в полусемичных словах одной и той же лексико-семантической группы однородных лексико-семантических вариантов. Разными своими лексико-семантическими вариантами слова могут входить в несколько лексико-семантических групп. Как показывают исследования Э. В. Кузнецовой [Кузнецова 1976: 5-12], пересечения лексико-семантических групп - важнейшее условие существования.

Очень важно проследить подобные значения в художественных текстах. «Представление писателя о мире отражается, прежде всего, на лексическом уровне, в том числе и на составе глагольной лексики, на составе ЛСГ глаголов. Существует определенная зависимость частотности лексем, набора семантических групп от авторской концепции и тематики произведения». Мы полностью согласны с этой мыслью Л. Г. Бабенко [Бабенко 1989: 137].